

ВОПРОСЫ ЭТНОГЕНЕЗА ПАЛЕОЭТНОГРАФИИ И ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭТНОГРАФИИ

П. Н. ТРЕТЬЯКОВ

У ИСТОКОВ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ФИННО-УГОРСКИХ ПЛЕМЕН

1

В археологической литературе неоднократно высказывалось предположение, что истоки этнической истории финно-угорских племен лесной полосы Восточной Европы следует искать в среде неолитического населения III—II тысячелетий до н. э., принадлежавшего к культуре ямочно-гребенчатой керамики. Последнее рассматривалось при этом как более или менее однородный этно-культурный массив, объединявший охотничье-рыболовецкие племена на огромных пространствах от Зауралья на востоке до Балтийского моря на западе. В хронологические рамки культуры ямочно-гребенчатой керамики включались не только неолитические племена, но и ближайшие их потомки — местные племена эпохи бронзы, в основных чертах сохранявшие экономический и бытовой уклад своих предков вплоть до третьей четверти II тысячелетия до н. э.¹

Соображения археологов о важной роли неолитического населения лесной полосы Восточной Европы и Зауралья в начальной этнической истории финно-угров, несомненно, основывались на фактах, заслуживающих серьезного внимания. Ни одна из культур последующего времени в лесной полосе Восточной Европы не имела такого широкого территориального охвата, как культура ямочно-гребенчатой керамики. Ни одна из более поздних культур не объединяла в своих границах всю ту обширную территорию, в пределах которой впоследствии протекала жизнь как уральских и прикамских, так и поволжских, прибалтийских и северных финно-угорских народов. Вместе с тем в распоряжении археологов не было никаких данных, свидетельствующих о том, что более поздние культуры, относящиеся к концу «бронзового века» и периоду

¹ В 1920—1930-х годах предположения такого рода высказывались Ю. Айлио, А. М. Тальгреном, рядом других финляндских археологов, отчасти — Б. С. Жуковым и А. В. Шмидтом. В настоящее время интересные соображения на эту тему, исходящие из современных представлений о процессе этнического развития, содержат работы А. Я. Брюсова («Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху», М., 1952, стр. 254 и др.); Х. А. Моора («Вопросы сложения эстонского народа и некоторых соседних народов в свете данных археологии», сб. «Вопросы этнической истории эстонского народа», Таллин, 1956); Н. Моора («Zur ethnischen Geschichte der ost-seefinnischen Stämme, «Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja» (SMYA), 59, 3, Helsinki, 1958); В. Н. Чернецова («К вопросу о месте и времени формирования финно-угорской этнической группы», Тезисы докладов и выступлений сотрудников Института истории материальной культуры АН СССР, подготовленных к совещанию по методологии этногенетических исследований», М., 1951; его же. «Древняя история Нижнего Приобья», «Материалы и исследования по археологии СССР», в дальнейшем цит. МИА СССР, № 35. 1953).

железа, с которыми генетически связываются бесспорные финно-угорские древности, появились в лесной полосе Восточной Европы и Зауралье откуда-то извне. Напротив, очень многое говорило об их местном, автохтонном развитии. На основании всего этого представлялось возможным думать, что основы этнической карты финно-угров на обширных пространствах от Зауралья до Балтийского моря были заложены племенами с ямочно-гребенчатой керамикой, а в последующее время развернулся процесс формирования современных этнических групп финно-угорского населения.

Насколько нам известно, соображения археологов, высказанные по поводу культуры ямочно-гребенчатой керамики, не вызвали особых возражений со стороны специалистов в области финно-угорского языкознания, а, наоборот, были встречены большинством лингвистов с интересом и сочувствием. Здесь перед нами редкий пример взаимопонимания двух, обычно резко полемизирующих друг с другом в вопросах этногенеза дисциплин — археологии и лингвистики.

В настоящее время, подводя итоги значительным успехам, достигнутым археологическими работами в СССР и Финляндии, в указанные выше соображения можно внести ряд конкретных штрихов. Исследования последних лет показали, что этногенетические процессы, протекавшие в далеком прошлом в лесной полосе Восточной Европы, были весьма сложными, не всегда прямолинейными и не везде протекавшими автохтонно. Стало очевидным, в частности, что представление о неолитическом населении с ямочно-гребенчатой керамикой, как об исконно едином этнокультурном массиве, отнюдь не соответствует фактическим данным.

В работах М. Е. Фосса и других исследователей территория племен с ямочно-гребенчатой керамикой была подразделена на три самостоятельные культурные области². Центральная, или Волго-Окская, область включала в свои пределы бассейн Оки и Верхней Волги, захватывая на юге верховья Дона с притоками, а на западе — поречье Верхней Десны. Другая область, ставшая известной за последнее время, главным образом по работам О. Н. Бадера и В. Н. Чернецова, может быть названа Уральско-Камской³. В пределы третьей, западной, области М. Е. Фосс включала неолитические и энеолитические памятники, расположенные западнее линии Ладожское озеро — верховья Волги — верховья Десны. Нам представляется, что западную область в пределах лесной полосы необходимо разделить на две: Восточно-Балтийскую, обрисованную в работах финляндских археологов и в последней книге Л. Ю. Янитса⁴, и Балтийско-Днепровскую, лежащую между южным побережьем Балтийского моря и верхним течением Днепра, неолитические памятники которой, еще очень плохо изученные, тесно смыкаются в лесостепном Поднепровье с культурой гребенчато-накольчатой керамики⁵. Особо следует выделить культуру гребенчатой керамики, известную на территории северной Польши. С культурами лесной полосы Европейской части СССР и Финляндии она имела очень мало связей⁶.

² М. Е. Фосс, Древнейшая история севера Европейской части СССР, МИА СССР, 29, 1952, стр. 153—193; Х. А. Моора, Вопросы сложения эстонского народа..., стр. 61; А. А. Формозов, Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке, М., 1959, стр. 97—106.

³ О. Н. Бадер, Стоянки Нижнеадигевская и Боровое озеро I на р. Чусовой, МИА СССР, 22, 1951; его же, Археологические памятники Прикамья, Молотов, 1950, стр. 39—46; В. Н. Чернецов, Древняя история Нижнего Приобья, МИА СССР, 35, 1953.

⁴ Л. Ю. Янитс, Поселения эпохи неолита и раннего металла в приустье р. Эмайыги, Таллин, 1959, стр. 329—340.

⁵ Д. Я. Телегин, Неолітичні поселення лісостепоного Лівобережжя і Полісся України, «Археологія», XI, Київ, 1957.

⁶ A. Gardawski, Zagadnienie kultury «ceramiki grzebykowej» w Polsce, «Wiadomości archeologiczne», XXV, Warszawa, 1958. Автор считает возможным говорить о днепровско-эльбской неолитической культуре, с чем мы согласиться не можем.

Наряду с многими общими чертами, присущими неолитической культуре всех охотничье-рыболовческих племен лесной полосы Восточной Европы и связанными с однородной природной средой и одинаковым характером и уровнем производства, население каждой из очерченных выше областей обладало своими специфическими особенностями в культуре. Они проявлялись в приемах обработки камня, в формах жилищ, а главным образом — в керамическом материале — характере глиняной посуды и ее орнаментации, что являлось для неолитической эпохи очень важным этнокультурным признаком⁷. А. А. Формозов справедливо полагает, что неолитическому населению каждой из областей предшествовали мезолитические племена, относящиеся к разным культурам, родиной которых были южные области европейской и, отчасти, азиатской территории⁸. Иными словами, неолитическое население отдельных областей лесной полосы имело как будто бы разное происхождение. Если это действительно так, то следует думать, что обрисованные выше группы неолитических племен лесной полосы Восточной Европы были далеко неоднородными в этническом отношении. При этом население таких областей, как Балтийско-Днепровская и Волго-Окская вряд ли могло иметь какое-либо отношение к протофинно-уграм. Как известно, позднемезолитическое население, заселившее эти области, было близким свидерской культуре, центры которой лежали в бассейне Вислы и которая, как теперь выясняется, была распространена в южном направлении вплоть до Трансильвании⁹. Искать протофинно-угров в этих областях, конечно, не приходится.

Но не следует ли из этого, что попытки археологов, стремящихся отыскать истоки уральско-камских, северных, поволжских и прибалтийских финно-угорских племен в среде неолитического населения лесной полосы Восточной Европы, оказались бесплодными? Ведь единство неолитических племен от Урала до Балтийского моря, в которых хотели видеть предков восточных, западных и северных финно-угров, оказалось эфемерным, и, следовательно, теперь нужно прокладывать какие-то новые пути изучения этнической истории древних финно-угров по археологическим материалам?

Такой вывод был бы, однако, неправильным. Дело в том, что вместе с накоплением археологических данных, выявивших необходимость разделения неолитического мира лесной полосы Восточной Европы на несколько различных областей, были получены в высшей степени важные и убедительные материалы, позволяющие сделать заключение, что границы этих неолитических областей далеко не всегда и не везде были стабильными и, самое главное, что в течение длительного периода, начиная с эпохи мезолита или раннего неолита, а главным образом в течение II тысячелетия до н. э., неоднократно происходили значительные передвижения населения из Приуралья и Прикамья в западном направлении вплоть до Прибалтики, в результате чего обрисованная выше карта этнокультурных областей лесной полосы Восточной Европы к концу II тысячелетия до н. э. подверглась значительной перестройке.

Следовательно, соображения археологов о древней культурно-этнической общности на широких пространствах лесной полосы Восточной Европы в значительной мере были правильными. Но эта общность не была исконной, связанной с первоначальным заселением лесной полосы; она никогда не объединяла всего населения лесной полосы, как это представлялось раньше некоторым исследователям. Она складывалась постепенно в ходе вековых передвижений уральско-камских племен

⁷ М. Е. Фосс, Указ. раб., стр. 64—77.

⁸ А. А. Формозов, Указ. раб., стр. 76—81, 99—100 и др.

⁹ L. Sawicki, *Przemysł swiderski i stanowiska wydumowego Swidry Wielkie I, «Przegrad cheologiczny», т. V. L. 1935; C. S. Nikolăescu-Plopsor, Sur la présence du swidérien en Roumanie, «Dacia», II, 1958.*

каменного века и эпохи бронзы во все те местности на Оке и Волге, на Севере и в Прибалтике, которые впоследствии выступают как финно-угорские. В свете имеющихся сейчас материалов неолитические Зауралье, Урал и Прикамье вырисовываются как основная база этнической истории протофинно-угров, связанная в культурном отношении с неолитом Западной Азии. Один из авторов этого тезиса — В. Н. Чернецов намечает в указанных областях четыре тесно связанные друг с другом группы неолитического населения: уральскую, западносибирскую, нижнеобскую и обширную прикамскую¹⁰. Их древнейшая история и происхождение остаются пока, к сожалению, неясными. О. Н. Бадер полагает, что мезолитическая культура Прикамья и Приуралья, отличающаяся от волго-окского и верхнеднепровского мезолита с его западными свидерскими связями, восходит к мезолиту Нижнего Поволжья и Прикаспия¹¹. Но материал, которым располагает О. Н. Бадер, еще очень невелик. Предпринятые С. П. Толстовым и В. Н. Чернецовым попытки связать происхождение культуры зауральского, уральского и прикамского неолита с кельтеминарской неолитической культурой Приаралья и поместить в Приаралье исходную протофинно-угорскую территорию¹², в свете имеющихся ныне ограниченных фактических данных представляются хотя и очень интересными, но недостаточно убедительными. Мы не можем не присоединиться к критическим замечаниям, высказанным по этому поводу А. П. Смирновым¹³, а также отметить, что генетическая связь уральско-камской и кельтеминарской керамики (если этот факт будет подтвержден) сама по себе еще не может служить бесспорным основанием для того, чтобы выводить из неолитического Приаралья уральско-камские племена. Близость керамики может говорить лишь о том, что население Уральско-Камской области заимствовало у своих южных соседей неизвестное ему ранее искусстводелки глиняной посуды. О том, что это искусство не зародилось на месте, а было принесено извне, свидетельствует относительное совершенство уже наиболее ранней уральско-камской керамики и ее орнаментации.

2

История заселения лесной полосы в послеледниковое время в свете имеющихся сейчас крайне фрагментарных фактических данных может быть обрисована лишь в самых общих чертах. Нам ничего не известно о дальнейшей судьбе тех отдельных верхнепалеолитических племен, следы обитания которых обнаружены на Урале, на Волге выше устья Камы, на Оке и Клязьме, в верхнем течении Десны и на Соже. Людьми, положившими начало постоянному населению лесной полосы, были не они или их прямые потомки, а позднемезолитические племена, продвигнувшиеся сюда с юга — из Повисленья, Среднего Поднепровья, из бассейна Донца и Дона, из области Нижнего Поволжья и Заволжья. В течение тысячелетий в послеледниковое время они шаг за шагом двигались в глубь лесных пространств — в Прикамье, Волго-Окскую область и Верхнее Поднепровье¹⁴. Более северные области лесной полосы в эпоху раннего мезолита оставались незаселенными. Лишь в Восточной Прибалтике мезолитические племена продвинулись сравнительно далеко к северу, проникнув на территорию современной Финляндии.

¹⁰ В. Н. Чернецов, К вопросу о месте и времени формирования финно-угорской этнической группы, стр. 24; его же, Древняя история Нижнего Приобья, стр. 7.

¹¹ О. Н. Бадер, Некоторые проблемы первобытной истории Урала, «Уч. зап. Молотовского гос. ун-та», т. XI, вып. 3, стр. 53—55.

¹² С. П. Толстов, Древний Хорезм, М., 1948, стр. 65; В. Н. Чернецов, К вопросу о месте и времени формирования..., стр. 24—27.

¹³ А. П. Смирнов, Некоторые спорные вопросы финно-угорской археологии, «Сов. археология», 1957, № 3, стр. 21—23.

¹⁴ А. А. Формозов, Указ. раб., стр. 75—80.

Наряду с движением населения с юга в несколько более позднее время, по мнению А. Я. Брюсова, происходило расселение древних племен с востока на запад, охватившее более северные области лесной полосы. А. Я. Брюсов обратил внимание на близкое сходство некоторых элементов прибалтийской мезолитической культуры Кунда и ряда находок позднемезолитического или раннеолитического времени, сделанных в лесных областях, лежащих к северу от бассейна Волги (Ягорба, Погостище, Нижнее Веретье), с наиболее архаическими находками из Шигирского торфяника на Урале и высказал на этом основании мысль о восточном происхождении северного мезолитического и раннеолитического населения, в частности, носителей культуры Кунда. Мнение А. Я. Брюсова было поддержано рядом археологов, в том числе Х. А. Моора¹⁵. Слабой стороной этой интересной гипотезы является, во-первых, отсутствие точных хронологических данных о всех перечисленных находках. В распоряжении археологов в настоящее время нет бесспорного доказательства более древнего возраста шигирских находок по сравнению с северными и прибалтийскими. Во-вторых, некоторые из форм костяных изделий, указанных А. Я. Брюсовым, известны не только в Прибалтике, на Европейском Севере и на Урале, но и в других местах; в частности, в лесостепном Поднепровье, где они также датируются весьма ранним временем.

Несколько лучше аргументированной представляется мысль о восточном — уральском и зауральском происхождении древнейшей в Восточной Прибалтике культуры керамического неолита, возникшей в начале III тысячелетия до н. э. и характеризующейся керамикой типа Сперрингс¹⁶. Последняя, правда, может быть сопоставлена с зауральской и приуральской керамикой лишь с известными допущениями. И в этом случае мы не можем пока доказать, что уральско-камская керамика, в частности керамика, открытая В. Н. Чернецовым в Приобье, наиболее близкая посуде Сперрингс, является по сравнению с ней более ранней. Тем не менее нельзя не отметить, что многочисленные уральские и прикамские аналогии посуды типа Сперрингс, выявившиеся за последние годы, несравненно более убедительны, чем среднеднепровские, которыми А. Европеус пытался обосновать свое предположение о происхождении культуры Сперрингс из области Среднего Поднепровья¹⁷. Выше шла речь о том, что общие черты в кельтеминарской и уральско-камской керамике, возможно, не имеют никакого отношения к этногенезу, будучи следствием заимствования искусства выделки глиняной посуды населением Уральско-Камской области у более передовых южных соседей. Применительно к керамике Сперрингс объяснение такого рода вряд ли возможно. В Средней Европе и Скандинавии обитали многие древние племена, владеющие керамическим искусством. В свете этого трудно допустить, чтобы учителем керамического дела у предков племен культуры Сперрингс было население далекого Приуралья. Здесь сходство керамики может говорить лишь об этногенетических связях.

С культурой Сперрингс связан, возможно, известный Оленеостровский неолитический могильник, относящийся к концу IV — началу

¹⁵ А. Я. Брюсов, Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху, стр. 25—41; его же, К вопросу о заселении Севера Европейской части СССР в неолитическую эпоху, «Краткие сообщения ИИМК», XLIX 1953; Х. А. Моора, Вопросы сложения эстонского народа..., стр. 59.

¹⁶ Н. Н. Гурина, Поселение эпохи неолита и раннего металла на северном побережье Онежского озера, МИА СССР, 20, 1951, стр. 94; O. Bahder, Kulturen der Bronzezeit in Zentralrussland, SMYA, 59, 1, Helsinki, 1957, стр. 37; Л. Ю. Янитс, К вопросу об этнической принадлежности неолитического населения территории Эстонской ССР, сб. «Вопросы этнической истории эстонского народа», стр. 150—152.

¹⁷ А. Å y g r ä ä. Den yngre stenålderns kronologi i Finland och Sverige, «Finskt Museum», LXII, 1955, Helsingfors, 1956, стр. 28 сл.

III тысячелетия до н. э.¹⁸ Некоторые костяные изделия, происходящие из могильника, в частности, игловидные наконечники стрел, находят близкие аналогии в кругу древнейших памятников на севере лесной полосы Европейской части СССР и на Урале (уже упомянутые выше Ягорба, Погостище, Нижнее Веретье, Шигирский торфяник). Предметы искусства — костяные скульптуры Оленеостровского могильника — по своей тематике и формам встречают ряд аналогий в древнем искусстве Прикамья и Приуралья. Имеются все основания думать, что население, оставившее Оленеостровский могильник, пришло на берега Онежского озера из более восточных областей.

Весьма возможно, что следами движения уральско-камских неолитических племен, принесших в Прибалтику культуру Сперрингс, являются находки «доямочно-гребенчатой» керамики, сделанные Б. С. Жуковым на стоянках у дд. Языково и Никола-Перевоз в Верхнем Поволжье. Попытка М. Е. Фосс отнести эту керамику к волосовскому комплексу эпохи бронзы и объяснить ее нахождение в основании культурных наслоений обеих стоянок простой случайностью, не представляется убедительной. Прочерченный орнамент из комбинации прямых линий, характеризующий эту керамику и находящий себе аналогии в культуре Сперрингс, действительно можно сравнить с орнаментацией некоторых сосудов из волосовских стоянок (и дальше мы увидим, что это не случайное совпадение), но древнейшая языковская керамика, как и посуда Сперрингс, в отличие от волосовской не имеют в глине ни раковинной, ни растительной примеси. Б. С. Жуков очень тщательно производил раскопки и хорошо знал волосовскую керамику. Он, конечно, не мог допустить здесь ошибки¹⁹.

Соображения о раннем проникновении населения из восточных областей в Прибалтику, как видим, весьма слабо аргументированных археологическим материалом, приобретают, однако, правдоподобие и поднимаются до уровня научной гипотезы в свете антропологических данных. Как известно, теперь уже далеко не единичные палеоантропологические находки свидетельствуют о том, что в мезолите или раннем неолите одним из существенных компонентов населения многих районов лесной полосы Восточной Европы, в частности населения Восточной Прибалтики, наряду с европеоидными стали племена с монголоидными чертами. Мысль об их восточном — уральском и зауральском — происхождении поддерживается рядом антропологов²⁰. Такие монголоиды оказались, в частности среди людей, оставивших Оленеостровский могильник на Онежском озере.

Убедительные доказательства существования прямых связей между Зауральем и Восточной Прибалтикой дают известные финляндские находки деревянных предметов, изготовленных, как полагают, из сибирских сосны («сибирский кедр»), — полов саней и ложки с рукоятками в виде головок птиц, очень похожие на такие же предметы, происходящие из неолитических торфяников Зауралья. По ряду данных финляндские находки связываются с ранним неолитическим временем²¹.

Нам представляется, что задача дальнейших археологических исследований в данном направлении заключается уже не столько в том, чтобы доказать факт проникновения в раннее время в северные обла-

¹⁸ Н. Н. Гурина, Оленеостровский могильник, МИА СССР, 47, 1956, стр. 245—262

¹⁹ Б. С. Жуков, Теория хронологических и территориальных модификаций некоторых неолитических культур Восточной Европы, «Этнография», 1929, № 1; М. Е. Фосс, Указ. раб., стр. 154—156.

²⁰ Г. Ф. Дебец, Палеоантропология СССР, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нсв. сер., т. IV, 1948; К. Ю. Марк, Вопросы этнической истории эстонского народа в свете данных палеоантропологии, сб. «Вопросы этнической истории эстонского народа», Таллин, 1956.

²¹ А. Еурсраeus, Unsia Kivikauden Taidelöytöjä, «Suomen Museo», XXXVI, 1929, стр. 83 сл.

ти лесной полосы Восточной Европы, в частности в Прибалтику, выходцев из Зауралья и Приуралья, а в том, чтобы обрисовать конкретную сторону этого исторического явления, уточнить его хронологию и выяснить его роль в этнической истории восточноевропейского Севера.

3

Придавая большое значение передвижениям с востока на запад, вероятно, неоднократным, относящимся к процессу первоначального заселения северных областей, мы вместе с тем полагаем, что не менее серьезное значение для этнической истории древнего населения лесной полосы Восточной Европы, особенно Поволжья, имели передвижения с востока на запад, происходившие в эпоху позднего неолита и в период бронзы, в конце III и II тысячелетий до н. э. Картину этих передвижений, впервые отмеченных, кажется, О. Н. Бадером, теперь можно представить уже весьма конкретно.

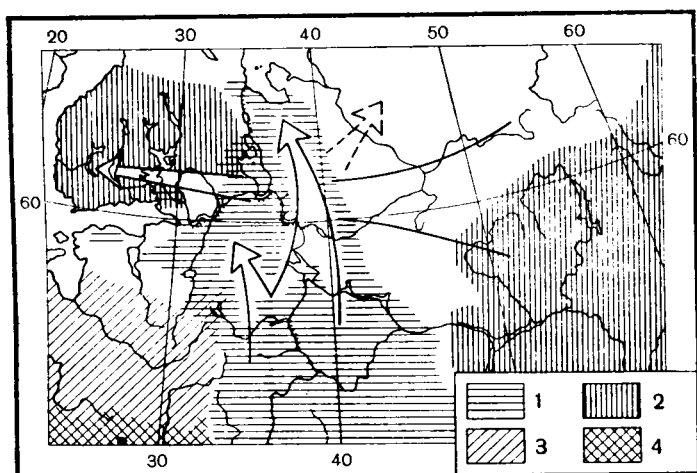

Рис. 1. Неолитические культуры лесной полосы Европейской части СССР и Финляндии во второй половине III тысячелетия до н. э.: 1 — волго-окские культуры; 2 — уральско-камские культуры и культура Сперрингс; 3 — балтийско-днепровские культуры; 4 — культуры гребенчато-накольчатой керамики.

В начале и середине III тысячелетия до н. э. границы Уральско-Камской и Волго-Окской неолитических областей в основном сохраняли стабильность (рис. 1). В первой области, по Каме с ее притоками, в лесном Приуралье и Зауралье, была распространена более или менее однородная охотничье-рыболовецкая неолитическая культура, характеризующаяся остродонной керамикой со своеобразным орнаментом, состоявшим из гребенчатых оттисков и прочерченных линий, образующих широкие горизонтальные зоны. На Каме эта культура известна по материалам таких стоянок, как Боровое озеро I, Хуторская, Левшинская и многих других, рассеянных вдоль всего течения реки. В Левшине найдены древнейшие в Прикамье медные орудия — кинжал и шило, относящиеся к концу III или самому началу II тысячелетия до н. э.²² На Урале исследованы стоянка Полуденка и большая группа неолитиче-

²² О. Н. Бадер, Стоянка Нижнеадиевская и Боровое озеро I на Чусовой; его же, Очерк шестилетних работ Камской археологической экспедиции, «Уч. зап. Молотовского гос. ун-та», т. IX, вып. 3, 1953; стр. 41—44; его же, Очерк работ Камской археологической экспедиции в 1953—1954 гг., «Уч. зап. Молотовского гос. ун-та», т. XI, вып. 3, 1956, стр. 10—20, 31; Н. А. Прокопьев, К вопросу о неолитических памятниках Камского Приуралья, МИА СССР, 1, 1940.

ских поселений на озерах и торфяниках в районе Свердловска, среди которых особой известностью пользуются местонахождения Горбуновского и Шигирского торфяников²³. В Зауралье в настоящее время лучше всего исследованы неолитические памятники северных областей, лежащих в бассейне Оби²⁴. Культура оставивших их племен была очень близка прикамской, отличаясь от нее лишь отдельными деталями.

В начале II тысячелетия до н. э. уральско-камская неолитическая культура преемственно сменилась культурой бронзового века, сохранявшей многие неолитические традиции вплоть до конца II тысячелетия до н. э.; это объясняется тем, что экономическая жизнь местного населения, несмотря на широкое распространение металлических орудий, продолжала основываться преимущественно на древних формах хозяйства — охоте и рыболовстве, хотя скотоводство, а по-видимому, и земледелие, уже были известны. В Прикамье культура бронзового века получила название турбинской, по имени известного могильника у д. Турбино. О. Н. Бадером она подразделена на два последовательных этапа: ранний — гаринский и поздний — борский. Поселения турбинской культуры известны в числе многих десятков. Начало их изучения было положено раскопками Н. А. Прокошева на стоянке у Гремячего ручья и на оз. Грязном вблизи устья р. Чусовой, где обнаружены остатки прямоугольных жилищ-землянок, соединенных друг с другом крытыми переходами. Такие прямоугольные жилища были известны в Прикамье и на Урале, начиная с неолитического периода²⁵. Несколько турбинских поселений исследовано за последние годы О. Н. Бадером. Собранный им материал позволил окончательно решить вопрос о связи этих поселений и прикамских могильников эпохи бронзы, что очень важно для всестороннего представления о культуре. Вопрос этот был очень сложным, потому что в могильниках прикамских племен, в соответствии с распространенным в их среде погребальным ритуалом, никогда не бывает керамики, составляющей основной материал поселений, и обильны находки бронзовых орудий и украшений, на поселениях, как правило, не встречающихся.

Специфическая черта культуры уральско-камских племен — их реалистическое искусство, представленное многочисленными скульптурами животных и человека из дерева, кости, рога, а иногда из кремня. По мнению О. Н. Бадера, с поздним неолитом или эпохой ранней бронзы может быть связан древнейший комплекс наскальных изображений Писаного Камня в среднем течении Вишеры, по своему содержанию и формам напоминающий петроглифы Карелии²⁶.

Наличие местных источников металлического сырья и связи с древними металлургическими и культурными центрами Средней Азии способствовали тому, что племена Уральско-Камской области с конца III тысячелетия до н. э. в культурно-экономическом отношении выдвинулись вперед по сравнению со своими соседями, в частности, с племенами Волго-Окской области. При настоящем состоянии знаний трудно определить, насколько велика была разница в уровне развития производительных сил в этих двух смежных областях. Но очень вероятно, что более высокий уровень развития уральско-камских племен по-

²³ О. Н. Бадер, Новые раскопки близ г. Нижнего Тагила, «Краткие сообщения ИИМК», XVI, 1947; А. Я. Брюсов, Очерки по истории племен..., стр. 146—163; В. М. Раушенбах, Среднее Зауралье в эпоху неолита и бронзы, «Труды Гос. историч. музея» (ГИМ), вып. 29, 1956.

²⁴ В. Н. Чернецов, Древняя история Нижнего Приобья.

²⁵ О. Н. Бадер и В. А. Оборин, На заре истории Прикамья, Пермь, 1958, стр. 37—38.

²⁶ О. Н. Бадер, Очерк шестилетних работ Камской экспедиции, стр. 44—57; его же, Стоянка Бор II на Чусовой и предананьинское время в Прикамье, «Сов. археология», XX, 1954; его же, Камская археологическая экспедиция, «Краткие сообщения ИИМК», 70, 1957; О. Н. Бадер и В. А. Оборин, Указ. раб., стр. 39, 45, 49 и сл.

служил одной из причин тех крупных событий в этнической истории лесной полосы Восточной Европы, речь о которых пойдет ниже и активной силой которых были уральско-камские племена.

В другой неолитической области, по Оке, Верхней Волге и в верховьях Десны, была распространена неолитическая культура, характеризующаяся керамикой с преобладанием ямочного орнамента, совсем не похожей на керамику уральско-камских неолитических племен. Сюда относятся Льяловская стоянка и окружающие ее древние поселения на Верхней Клязьме²⁷, стоянки Балахнинской низины²⁸ и многочисленные неолитические поселения по течению Оки, в том числе такие нижнеокские стоянки, как Мало-Окуловская, Плеханов Бор (нижний слой), Сонино и другие²⁹. В Верхнем Поволжье сюда относятся стоянки Борань (нижний слой), Волоцкое озеро и многие другие в Костромской низине³⁰, Уница и другие стоянки на оз. Неро³¹, группа стоянок на Плещеевом озере³², Яна, Сенцы и Воятицы (нижний слой) в Молого-Шекснинской низине³³, наконец, еще выше по Волге — Языково (нижний слой) и Никола-Перевоз³⁴ (нижний слой). Несмотря на некоторые территориальные и хронологические различия, культура волго-окского неолитического населения может рассматриваться как более или менее единая, принадлежавшая одной этнокультурной группе. Как указывалось, имеется предположение, разделяемое многими исследователями, что волго-окский неолит сложился на основе культуры позднемезолитических племен свидерского типа, продвинувшихся на Оку и Верхнюю Волгу из Верхнего Поднепровья и более западных областей. По-видимому, из Среднего Поднепровья, от племен «накольчатой керамики» IV—III тысячелетий до н. э. волго-окские племена получили искусство изготовления глиняной посуды.

Из Волго-Окской области, где в настоящее время известно в общей сложности свыше 300 мест неолитических поселений, охотничье-рыболовецкие племена в III тысячелетии до н. э. двигались на север, постепенно расширяя свою территорию. Главным путем их движения были левые притоки Волги, прежде всего Шексна. Высказанная впервые Ю. Айлио мысль о том, что волго-окские неолитические племена сыграли большую роль в формировании неолитической культуры на территории юго-восточной Финляндии и Карелии, впоследствии была подтверждена работами А. Я. Брюсова³⁵. Им же и М. Е. Фосс было установлено, что выходцы из Волго-Окской неолитической области проникли вплоть до берегов Белого моря³⁶.

А. Я. Брюсов, очевидно, прав, полагая, что движение волго-окского неолитического населения в северном и северо-западном направлениях, было, так сказать, естественным процессом: древние охотники и рыбо-

²⁷ В. М. Раушенбах, Неолитические стоянки Верхней Клязьмы, Труды ГИМ, вып. XXII, М., 1953.

²⁸ О. Н. Бадер и М. В. Воеводский, Стоянки Балахнинской низины, «Известия ГАИМК», вып. 106, 1935.

²⁹ Б. С. Жуков, Указ. раб., стр. 67; В. В. Федоров, Плехановская неолитическая стоянка, МИА СССР, 39, 1953; Ф. Я. Селезнев, Приокские древнейшие поселения, Труды Владимирского обл. музея, вып. 3, Владимир, 1928.

³⁰ Раскопки В. И. Смирнова, Костромской обл. музей; Н. Н. Гурин, Неолитическое поселение Борань, МИА СССР, 79, 1960.

³¹ Раскопки Д. Н. Эдинга, Ростовский музей.

³² Разведки автора в 1949 г.

³³ Археологические работы Академии (ГАИМК) на новостройках в 1932—1933 г., т. I, М.—Л., 1935, стр. 120—142; П. Н. Третьяков, Неолитические памятники Молого-Шекснинской низменности, Труды Советской секции Международной ассоциации по изучению четвертичного периода, т. 5, 1941.

³⁴ Б. С. Жуков, Указ. раб., стр. 66 и др.

³⁵ А. Я. Брюсов, История древней Карелии, Труды ГИМ, IX, 1940, стр. 9—10; его же, Очерки по истории племен..., стр. 96 сл.

³⁶ М. Е. Фосс, Указ. раб., стр. 153 сл.

ловы постепенно, в ходе сегментации родовых общин, осваивали новые малозаселенные пространства, богатые рыбой и зверем³⁷. Возможно, впрочем, что в более поздний период направление их движения в какой-то мере было обусловлено вторжением в волго-окское междуречье пастушеских племен, носителей фатьяновской культуры, продвинувшихся из Среднего Поднепровья³⁸.

В III тысячелетии до н. э. границей между камскими и волго-окскими неолитическими племенами служили широкие лесные пространства междуречья Волги и Вятки; лишь на берегах Волги, между устьем Оки и устьем Камы, эти племена могли близко соприкасаться³⁹. В конце III или начале II тысячелетия до н. э. эта граница была, однако, нарушена. В это время в восточной и северной частях Волго-Окской неолитической области — во многих районах Верхнего Поволжья, в нижнем течении Оки, на Клязьме, в ряде пунктов Валдайской возвышенности и на севере — появилось новое население, культура которого была очень близка культуре камских племен. Лучше всего эта культура исследована на Оке в районе Муроме, где она получила наименование волосовской, по имени знаменитой Волосовской стоянки.

О своеобразии волосовской культуры и отсутствии каких-либо ощутимых генетических связей между ней и местной неолитической культурой было известно уже давно. Но лишь в последние годы, в свете новых археологических данных, полученных в Прикамье, стало возможным высказать мысль о передвижении волосовских племен на Оку из бассейна Камы. Волосовские племена, по мнению О. Н. Бадера, — это одна из групп камских племен гаринского этапа турбинской культуры⁴⁰. Они принесли с собой на Оку не только гребенчатую керамику с горизонтальным или диагональным расположением орнаментальных полос, сделанную из глины с примесью толченой раковины или растительной трухи, какая бытовала в этот период на Каме, не только некоторые своеобразные формы каменных орудий, но и характерные приемы домостроительства — прямоугольные дома-полуземлянки с длинными канавообразными выходами, нередко соединенные друг с другом специальными переходами. Такие жилища, обычные для Прикамья, резко отличались от традиционных волго-окских круглых землянок. Волосовские племена имели также и особые идеологические представления, не свойственные местному волго-окскому населению, получившие отражение в многочисленных фигурках из кремня, изображающих людей, животных и водоплавающих птиц. А. А. Формозов допустил ошибку, связывая эти кремневые фигурки с волго-окскими племенами⁴¹. Они повсеместно сопутствуют культурам волосовского или близкого им типа. Наконец, для волосовских племен, как и для населения Прикамья, характерны могильники, состоящие из захоронений умерших преимущественно в вытянутом положении, а также отдельные захоронения внутри жилищ. Подобно погребениям турбинской культуры Прикамья, волосовские погребения никогда не сопровождаются керамикой. У племен с характерной волго-окской культурой раннего типа никаких могильников до сих пор не обнаружено.

По антропологическому составу люди волосовской культуры сочетали как европеоидные, так и монголоидные или лапоноидные признаки.

В середине II тысячелетия до н. э. в области Балахнинской низины, примыкающей к устью Оки с севера, также появилось новое население. По мнению О. Н. Бадера, сюда проникла группа камских племен с керамикой борского этапа турбинской культуры. Кроме многочисленных

³⁷ А. Я. Брюсов, Очерки по истории племен..., стр. 9—11.

³⁸ М. Е. Фосс, Указ. раб., стр. 182.

³⁹ А. А. Формозов, Указ. раб., стр. 100.

⁴⁰ О. Н. Бадер, Очерк шестилетних работ Камской экспедиции, стр. 56—57.

⁴¹ А. А. Формозов, Указ. раб., стр. 102—103.

поселений, этой группе племен принадлежал знаменитый Сейминский могильник, откуда происходят многочисленные бронзовые изделия, характерные для прикамских могильников турбинской культуры⁴².

Если движение волго-окских племен в северном направлении, как уже было сказано, представляло собой медленный процесс, связанный с сегментацией общин охотников и рыболовов и с передвижением новых общин в малонаселенные пространства, то появление на Оке волосовских и позднебалахнинских (сейминских) племен имело, по-видимому, иной характер. Здесь происходило, вероятно, переселение значительных и компактных групп, вторгшихся на чужую территорию и изгнавших или покоривших жившее здесь старое население.

В работах А. Я. Брюсова и И. К. Цветковой ареал волосовской культуры ограничивался сравнительно небольшой областью на Нижней Оке⁴³. С этим нельзя, однако, согласиться. Культура волосовского типа сменила местную неолитическую культуру на очень широкой территории. И не только в нижнем и среднем течении Оки и на Клязьме⁴⁴, но и во многих более северных областях. Если раньше Волга выше устья Оки была, так сказать, внутренней рекой волго-окских племен, то теперь, во II тысячелетии до н. э., этот участок течения Волги превратился в водную дорогу камских племен, по которой они двигались на северо-запад, основывая вдоль этого пути свои поселения. В пределах Костромской низины находятся стоянки Борань и Станок, материалы верхнего слоя которых, резко отличающиеся от древностей местной неолитической культуры, являются ближайшими аналогиями материалам одной из волосовских стоянок — Халамониhi. В Костромской низине имеется еще несколько стоянок с гребенчатой керамикой, близко напоминающей волосовскую и камскую⁴⁵. Такая же керамика известна в пределах Молого-Шекснинской низины, а также на озерах Неро и Плещеево. Выше по Волге такая керамика характеризует верхний культурный слой Языковской стоянки на р. Яхроме и стоянки у д. Никола-Перевоз в низовьях р. Дубны, что было отмечено еще Б. С. Жуковым⁴⁶.

На стоянке у д. Языково обнаружен древний могильник, пока единственный в области Верхнего Поволжья. Скелеты людей лапоноидного облика, лежащие в вытянутом положении, находились в толще культурного слоя на 0,30 м ниже его поверхности⁴⁷. Это обстоятельство позволяет думать, что могильник следует связать не с основным культурным слоем стоянки, содержащим ямочно-гребенчатую керамику, а с верхним горизонтом культурного слоя, включающим остатки культуры волосовского типа.

Недалеко от верховьев Волги находится известная Бологовская стоянка, древнейший керамический материал которой еще А. А. Спицын справедливо сравнивал с волосовским. Такое же мнение о бологовской керамике было высказано М. Е. Фосс. Действительно, керамика из нижних слоев бологовской стоянки сделана из глины с растительной и раковинной примесью, орнамент посуды — преимущественно разнообразный гребенчатый, с прочерченными линиями и веревочными отпечатками. По общему облику посуда близко напоминает и волосовскую и камскую. То же следует сказать о керамике, происходящей из некоторых пунктов на озере Пирос и из раскопок Н. К. Рериха у с. Кончанского. В последнем пункте было обнаружено большое количество изделий из

⁴² О. Н. Бадер, Стоянка Бор II на р. Чусовой и предананьинское время в Прикамье, стр. 211—212.

⁴³ А. Я. Брюсов, Очерки по истории племен..., стр. 72—73; И. К. Цветкова, Волосовские неолитические племена, Труды ГИМ, в. XXII, М., 1953, стр. 33—34.

⁴⁴ В. М. Раушенбах, Неолитические стоянки Верхней Клязьмы, стр. 15—16.

⁴⁵ Раскопки В. И. Смирнова. Материалы хранятся в Костромском областном музее.

⁴⁶ П. К. Цветкова, Новый памятник волосовской культуры близ г. Переяславля Залеского, Труды ГИМ, в. 37, М., 1960; Б. С. Жуков, Указ. раб., стр. 66.

⁴⁷ О. Н. Бадер, Археологические работы у д. Языково, «Антропологический журнал», 1936, № 1.

прибалтийского янтаря, свидетельствующих о существовании связей между Валдайской возвышенностью и побережьем Балтийского моря ⁴⁸.

При современном состоянии наших знаний трудно, конечно, обрисовать все стороны процесса изменения состава населения в восточной части Волго-Окской неолитической области. Но и сейчас можно различить стоянки II тысячелетия до н. э. с более или менее «чистой» керамикой уральско-камского (или волосовского) типа и стоянки со смешанным материалом, где наряду с волосовской имеется поздняя волго-окская керамика. Ямочные углубления на ней наносились с интервалами; иногда они составляли несложные геометрические узоры или же располагались без всякого порядка. Такая посуда имеется в ряде пунктов в рязанском течении Оки, на озерах Неро и Плещеево, в Костромской низине, на Бологовской стоянке. Есть отдельные пункты, где такая керамика численно преобладает над волосовской или является единственной. В 1936 г. на берегу Волги, в устье р. Куксы около Калязина, нами были произведены раскопки стоянки с керамикой, покрытой редко расположенными округлыми ямками, вместе с которой встречена архаическая текстильная керамика.

Таким образом, процесс изменения состава и культуры населения был, по-видимому, весьма сложным и несомненно длительным. Местные волго-окские племена отнюдь не исчезли без следа. Их следует рассматривать как субстрат, сыгравший хотя и подчиненную, но все же очень значительную роль в дальнейшей этнической истории Поволжья. Процесс изменения состава и культуры населения вряд ли завершился в рамках II тысячелетия до н. э. Здесь следует иметь в виду, что ассимиляция в области культуры могла быть лишь первой ступенью на путях этнической ассимиляции. Поэтому население восточных и центральных частей Волго-Окской области во II тысячелетии до н. э. правильнее охарактеризовать как смешанное, состоящее из местных и более сильных пришлых элементов. Этническая пестрота усугублялась вторжением в Волго-Окскую область скотоводческо-земледельческих племен из Среднего Поднепровья. Впрочем, их роль в этнической истории лесной полосы Поволжья была, по-видимому, не очень значительной.

В западной части Волго-Окской области — в ряде районов в верховьях Волги, на Верхней Оке с притоками и на Десне — материальная культура уральско-камского или волосовского характера не найдена. Во II тысячелетии до н. э. там переживали старые местные традиции. Это обстоятельство чрезвычайно важно для обоснования гипотезы о расселении на запад уральско-камских племен. Если бы культура волосовского типа со всеми складывающимися ее элементами была не пришлой, а местной культурой эпохи бронзы, то она появилась бы не только в восточной, но и в западной части Волго-Окской неолитической области. Этого, однако, не наблюдалось.

На стоянках Петровских озер на Верхней Волге среди поздней ямочной керамики встречены лишь единичные черепки волосовского облика ⁴⁹. В области Валдайской возвышенности, на озерах Бологое и Пирок и у с. Кончанского, как и в некоторых других пунктах, господствует глиняная посуда смешанного характера, в состав которой входят, во-первых, поздняя керамика волго-окского типа, покрытая геометрическими узорами из редко расположенных ямочных и других отпечатков, во-вторых, посуда верхнеднепровского типа с гребенчатыми отпечатками и, в-третьих, уральско-камская или волосовская керамика с орнамента-

⁴⁸ А. А. Спицын, Бологовская стоянка каменного века, «Записки Отделения русских и славянск. археологии Русск. археолог. об-ва», т. V, вып. 1, 1903, стр. 252—253, табл. XXXIV—XLII; Н. К. Рерих, Некоторые древности пяжин Деревской и Бежецкой, там же, стр. 22—26, 34—37; М. Е. Фосс, Указ. раб., стр. 165. Коллекция с озера Пирок хранится в Гос. Эрмитаже.

⁴⁹ О. Н. Бадер, Неолитические поселения Петровских озер, МИА СССР, 1950, № 13, стр. 59.

цией из тонких прочерченных линий, расположением узора по диагонали и т. д. Своеобразие керамики неолитических стоянок, расположенных в области Валдайской возвышенности, послужило Н. Н. Гуриной одним из оснований для выделения особой валдайской неолитической культуры, которую она датирует II тысячелетием до н. э.⁵⁰. Далее на запад, в бассейне Западной Двины на неолитических стоянках не встречается ни волго-окской, ни волосовской керамики. Там господствует посуда, характерная для Балтийско-Днепровской этнокультурной области⁵¹.

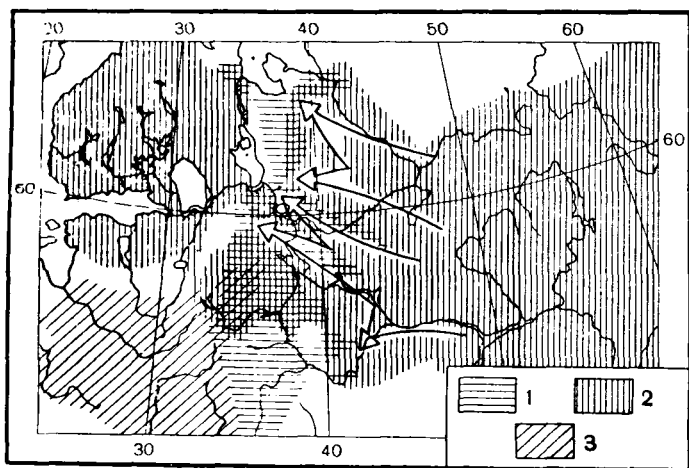

Рис. 2. Местные культуры лесной полосы Европейской части СССР в середине II-го тысячелетия до н. э.: 1 — волго-окские культуры; 2 — уральско-камские и прибалтийская культуры; 3 — балтийско-днепровские культуры

На Верхней Оке, как справедливо отмечает А. Я. Брюсов, для позднего времени характерна керамика, украшенная поверху беспорядочно разбросанными мелкими неправильными ямками. Такова, например, керамика стоянок, открытых в районе Серпухова или в нижнем течении р. Угры⁵². Что же касается бассейна Десны, составлявшего раньше западную окраину Волго-Окской неолитической области, то во II тысячелетии до н. э. там наряду с местной распространяется культура верхнеднепровского типа, совсем не похожая на волосовскую. Граница между культурой волосовского типа и сохранившей свои традиции местной волго-окской культурой во II тысячелетии до н. э. была, естественно, очень нечеткой (рис. 2). В бассейне Оки она проходила где-то около устья Москвы-реки. Отметим, что эта граница — западный рубеж финно-угорских племен в поречье Оки — просуществовала, значительно не изменяясь, вплоть до второй половины I тысячелетия н. э., когда она была сметена славянской колонизацией.

4

Следует высказать, однако, предположение, что путь с востока на запад, по которому распространялись уральско-камские племена, шел не только по Волге и ее притокам. Был, очевидно, и другой, более се-

⁵⁰ Н. Н. Гурина, Валдайская неолитическая культура, «Сов. археология», 1958, № 3.

⁵¹ Я. В. Станкевич, Древнейшие укрепленные поселения в верхнем течении Зап. Двины, сб. «Muistsed asulad ja linnused», Tallin, 1955.

⁵² А. Я. Брюсов, Очерки по истории племен..., стр. 51—55. Стоянки нижнего течения р. Угры были обследованы автором в 1936 г.

верный и, возможно, более древний путь, соединявший верховья Камы и Вятки и Северное Приуралье в целом с верхними притоками Северной Двины и далее — с краем больших озер Северо-Запада. Как известно, на Сухоне, которая должна была составлять одно из важнейших звеньев северного пути, нет или почти нет ямочной керамики, а имеется гребенчатая керамика, как ранняя, так и более поздняя, часть которой близка, по нашему мнению, к посуде стоянок побережья Галичского озера: Туровской (Галичской) и Умиления (Пески)⁵³, принадлежавших вместе с известным Галичским кладом бронзовых предметов к одному из вариантов уральско-камских культур эпохи бронзы. Попутно отметим, что стоянкам типа Туровское и Умиление на Галичском озере предшествовали стоянки с характерной кругло-ямочной керамикой, известные в ряде пунктов, например, на полуострове Иседы на южном берегу озера и у истоков р. Вексы Галичской. Точно такая же картина наблюдалась на Чухломском озере, входящем, как и Галичское, в систему р. Волги. Там были более ранние стоянки, принадлежавшие к культуре ямочной керамики, например Федоровская у истока р. Вексы Чухломской, и поздние, такие, как стоянка на р. Юг⁵⁴.

В восточной части озерного края Северо-Запада, в районе озер Белого, Кубенского, Воже и Лача, оба древние пути уральско-камских племен — волжский (волжско-шекснинский) и северный — соединялись и в то же время расчленились на множество мелких путей, которые по озерам, протокам и рекам вели дальше на север и на запад. В этой части озерного края в течение многих лет производили раскопки А. Я. Брюсов и М. Е. Фосс. Их исследования показали, что в конце III тысячелетия до н. э. здесь существовала культура волго-окского происхождения, с типичной ямочной керамикой⁵⁵. Несколько позже здесь появляются отдельные поселения, принадлежавшие племенам, совсем иного облика. Одно такое поселение, состоящее из построек на сваях, было исследовано А. Я. Брюсовым на р. Модлоне. Автор раскопок, указав на своеобразие культуры модлонского поселения, высказал предположение, что оно составляло реликт материальной культуры древнейшего населения севера. Вслед за О. Н. Бадером мне представляется, что это определение не соответствует истине. Модлонская керамика нижнего слоя с примесью битой раковины в тексте и зубчатыми вдавлениями в виде вертикальных зигзагов и горизонтальных полос, иногда напоминающих «шагающую гребенку», несомненно принадлежит к кругу уральско-камских культур конца III — начала II тысячелетия до н. э. Этому выводу не противоречат ни костяные и деревянные изделия, ни свайные постройки. На Модлоне поселилась пришедшая издалека община. Ее враждебные отношения с жившим здесь ранее населением, которые так колоритно рисует А. Я. Брюсов (если это отвечает истине), объяснялись именно этим обстоятельством⁵⁶.

Как и в Кончанском, на Модлоне найдены в значительном количестве янтарные украшения, говорящие о связях расселяющихся уральско-камских племен с юго-восточной Прибалтикой.

⁵³ Н. А. Черницын, Черняковская стоянка, «Доклады Научн. об-ва по изучению местного края при Тотемском музее», вып. VI, Тотма, 1928; Стоянки Галичского озера: раскопки В. И. Смирнова, Костромской музей; В. А. Городцов, Галичские клад и стоянка, Труды секции археологии РАНИОН, III, 1928.

⁵⁴ Открыты В. И. Смирновым в 1924 г. М. Е. Фосс, Керамика Федоровской стоянки, Труды секции археологии РАНИОН, IV, 1929; А. В. Збруева, Стоянка на р. Юг, там же.

⁵⁵ М. Е. Фосс, Древнейшая история севера Европейской части СССР, стр. 81—89 (Древний этап каргопольской культуры).

⁵⁶ А. Я. Брюсов, Свайное поселение на р. Модлоне, МИА СССР, 20, 1951; его же, Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху, стр. 130; O. V a h d e r, Kulturen der Bronzezeit..., стр. 37.

В более позднее время, приблизительно в середине II тысячелетия до н. э., в восточной части озерного края культура уральско-камского происхождения явно побеждает волго-окскую. По наблюдениям М. Е. Фосс, керамика этого времени резко отличается от более древней. На ней отсутствует традиционный волго-окский ямочно-гребенчатый орнамент; узоры состоят из неопределенных вдавлений, нарезок и т. д., расположенных в виде широких зон, соединенных одна с другой косыми полосами. М. Е. Фосс не сомневалась в том, что в середине II тысячелетия до н. э. на оз. Воже, Лага и др. произошла смена населения. Правильны сделанные ею сопоставления керамики середины II тысячелетия до н. э. с посудой из Галической стоянки (Туровское) и с керамикой, найденной на р. Юг у с. Мармылина близ г. Великий Устюг. А. Я. Брюсов также считал, что новое население пришло сюда откуда-то с востока⁵⁷. Мы полагаем, что распространение на севере культуры нового типа было связано как с развитием племен типа Модлоны, появившихся здесь на рубеже III и II тысячелетий до н. э., так и с притоком во II тысячелетии до н. э. новых племен, культура которых действительно напоминала галическую, а еще больше культуру турбинских поселений борского этапа на Каме. Кроме характерной керамики, новые племена принесли сюда, как и в нижнее течение Оки, свои специфические культовые предметы — вырезанные из кости и высеченные из кремня фигурки животных, птиц и человека, в том числе изображения водоплавающих птиц, а также схематические воспроизведения этих птиц на глиняных сосудах. Отныне и вплоть до средневековья связанное с культом изображение водоплавающей птицы в лесной полосе Восточной Европы будет служить одним из характерных элементов древней финно-угорской культуры.

В восточной части озерного края найдены два древних могильника. Время одного из них — трех погребений из Кубенина, лежащих ниже культурного слоя неолитической стоянки, — является спорным. А. Я. Брюсов относит этот могильник к раннему времени, предшествующему возникновению стоянки. Автор раскопок М. Е. Фосс считает погребения синхронными стоянке, датируемой второй четвертью II тысячелетия до н. э., указывая, что они были совершены вблизи очага⁵⁸. Мы полагаем, что данное определение ближе к истине. Могильник на Караванхе, исследованный А. Я. Брюсовым, относится им к широкому промежутку времени, укладывающемуся в рамки II тысячелетия до н. э. Большинство погребений принадлежит ко второй половине этого отрезка времени⁵⁹. Следовательно, могильники озерного края, как и все другие древние могильники, известные в лесной полосе Восточной Европы, можно связать не с волго-окскими, а с протофинно-угорскими культурами. Следует отметить, что монголоидный (лапоноидный) антропологический элемент оказался представленным здесь весьма выразительно.

Подобные же процессы несколько в более поздние сроки протекали и далее к северу — в Беломорье. Первоначально, как уже указывалось, туда проникли племена волго-окского происхождения. В конце II тысячелетия до н. э., по наблюдениям М. Е. Фосс, в Беломорье появилось население с иной культурой⁶⁰, связи которого с Приуральем и Прикамьем, как нам представляется, не вызывают никаких сомнений.

Самый сложный вопрос, с которым нам приходится сталкиваться, — это определение времени появления протофиннов на территории Вос-

⁵⁷ М. Е. Фосс, Древнейшая история севера Европейской части СССР, стр. 89—90, 116—119; А. Я. Брюсов, Очерки по истории племен..., стр. 122.

⁵⁸ М. Е. Фосс, Погребения на стоянке Кубенино, Труды ГИМ, VIII, 1938; ее же, Стоянка Кубенино, «Сов. археология», V, 1940, стр. 38—41; А. Я. Брюсов, Очерки по истории племен..., стр. 120.

⁵⁹ А. Я. Брюсов, Свайное поселение на р. Модлоне.

⁶⁰ М. Е. Фосс, Древнейшая история севера Европейской части СССР, стр. 135.

точной Прибалтики. Вопрос этот сложен потому, что культурная стратиграфия III—II тысячелетий до н. э. складывалась в Прибалтике совсем иначе, чем на центральной и северной территории лесной полосы Восточной Европы, где расселяющиеся из Прикамья и Приуралья племена наслаивались на волго-окский неолитический субстрат.

Северо-западной окраинной области распространения волго-окских племен служило побережье Онежского и Ладожского озер. Здесь расположены такие стоянки с волго-окской ямочно-гребенчатой керамикой, как Вознесенская у истока Свири, Вой-Наволоок 5, Сунская 5 и многие другие⁶¹. Они относятся к III тысячелетию до н. э. На онежских и ладожских стоянках более позднего времени элементы керамики камских типов или совсем не встречаются или представлены очень слабо. Это говорит о том, что переселенцы из Уральско-Камского края, проникшие на Оку, Волгу и в северные области во II тысячелетии до н. э., либо не достигли берегов Ладожского и Онежского озер, либо их культура в этих местах настолько видоизменилась и слилась с волго-окской, что появление здесь новых племен при настоящем уровне знания не может быть отмечено.

Очень интересны находки керамики, отдаленно напоминающей волосовскую или уральско-камскую, сделанные за последние годы на территории Эстонии (Нарва-Рийгикюла, Акали). Керамика изготовлена из глины с примесью толченой раковины и растительной трухи, имеет гребенчатую орнаментацию, в частности отпечатки «двойной гребенки», а также узор «шагающая гребенка»; встречается орнамент, состоящий из комбинации прямых прочерченных линий. Впервые на территории Эстонии такая керамика была открыта на стоянках около Нарвы, исследованных Н. Н. Гуриной, отметившей уральские элементы в орнаментации керамики и указавшей, что такая керамика имеется в коллекции А. А. Иностранцева (Ладожская стоянка). Очевидно именно с этой керамикой должны быть связаны остатки открытых на стоянке двух жилищ-землянок, овальных в плане, с выходами, таких же, какие известны на Каме и в памятниках волосовской культуры на Нижней Оке. Сходство нарвских жилищ с ниже-окскими подчеркивается погребениями, совершенными в пределах жилищ⁶².

По мнению Л. Ю. Янитса, также отмечающего уральско-камские черты в нарвской керамике, она относится к раннему времени и, быть может, связывается с посудой типа Сперрингс (стиль I₂, по Европеусу)⁶³.

Но это лишь одна из возможных гипотез, касающихся происхождения керамики нарвского типа. В последнее время появилась мысль, разделяемая, кажется, и Л. Ю. Янитсом, о том, что истоки этой керамики, быть может, следует искать на юге — в области Поднепровья, в среде ранне-неолитических культур «гребенчато-накольчатой» керамики. Где находится истина — покажут дальнейшие исследования.

К северу от Онежского и Ладожского озер и далее на запад вплоть до побережья Ботнического залива в III тысячелетии до н. э. была распространена неолитическая культура с керамикой типа Сперрингс, которую А. Европеус разделяет на две последовательные культурно-хронологические группы⁶⁴. В последующее время, в начале II тысячелетия до н. э., на всей территории, занятой племенами культуры Спер-

⁶¹ Н. Н. Гурина, Керамика неолитического поселения у с. Вознесения на реке Свири, «Сов. археология», V, 1940; ее же, Поселения эпохи неолита и раннего металла на северном побережье Онежского озера. МИА СССР, 20, 1951, стр. 96—100; А. Я. Брюсов, Очерки по истории племен..., стр. 98—99.

⁶² Н. Н. Гурина, Новые неолитические памятники в Восточной Эстонии, сб. «Muistsed asulad ja linnused», Tallin, 1955.

⁶³ Л. Ю. Янитс, Поселения эпохи неолита... в приустье р. Эмайыги, стр. 122—127.

⁶⁴ A. Europeus - Ayräpää, Die relative chronologie der steinzeitlichen Keramik in Finnland, «Acta Archaeologica», 1, 2—3. København, 1930, стр. 171—178.

рингс, а также в юго-восточной Прибалтике, Приладожье и Прионежье, распространяется культура с прибалтийской «типичной» ямочно-гребенчатой керамикой (или «керамикой лучшего стиля»), украшенной нарядными геометрическими узорами из гребенчатых и ямочных вдавлений. Эта керамика, во многом отличающаяся от посуды типа Сперрингс, по мнению А. Европеуса, Л. Ю. Янитса и некоторых других исследователей, не может быть поставлена с последней в прямую генетическую связь. Ее появление, как полагают, свидетельствует о распространении в среде племен культуры Сперрингс новых культурно-этнических элементов, связанных, вероятно всего, с неолитом Приладожья и Прионежья. При этом предполагается, что распространение прибалтийской ямочно-гребенчатой керамики знаменовало собой не что иное, как расселение в Восточной Прибалтике протофинно-угорских племен⁶⁵.

В свете всего сказанного выше, с этой точкой зрения трудно согласиться. Прибалтийская ямочно-гребенчатая керамика ничем не связана с керамикой камско-уральских (волосовских) типов, распространявшейся в конце III—II тысячелетий до н. э. вместе с протофиннами по центральному и северным областям лесной полосы Европейской части СССР. Между той и другой керамикой налицо территориальный и некоторый хронологический разрыв. Наиболее вероятным претендентом на место древнейшей в Восточной Прибалтике протофинской культуры является культура типа Сперрингс с ее камско-уральскими связями в керамике, с полозом от саней, изготовленным из сибирской сосны, с европеоидно-монголоидным антропологическим обликом населения, оставившего могильник на Оленьем острове. Эта культура появилась в Прибалтике вместе с одной из ранних волн переселения древних племен с востока на запад, предшествующей по времени расселению волго-окских племен в северном направлении.

Культуру с прибалтийской ямочно-гребенчатой керамикой, по нашему мнению, следует рассматривать как генетически восходящую прежде всего к культуре Сперрингс (стиль I₂, по А. Европеусу), но усложненную связями с волго-окским неолитом и, самое главное, запечатлевшую в своей орнаментации все то новое, что принесла с собой в Европу культурная жизнь II тысячелетия до н. э. Следовательно, носители культуры прибалтийской ямочно-гребенчатой керамики — не столько протофинны, сколько уже обособившиеся предки прибалтийской группы финских племен. Интересно, что с этой культурой связаны в Восточной Прибалтике изображения водоплавающей птицы на керамике, что рассматривалось выше в качестве одного из возможных признаков древней финно-угорской культуры.

Если же мы ошибаемся и в ходе дальнейших исследований будет доказано, что с культурой Сперрингс связываются не протофинны, а другие (лапоноидные) племена, то в этом случае истоки этнической истории финнов в Восточной Прибалтике будет необходимо вынести, по-видимому, за хронологические рамки неолита и бронзы и отнести к началу I тысячелетия до н. э., ко времени распространения текстильной керамики, свидетельствующей о тесных связях, установившихся у населения Прибалтики с населением Волго-Окской области. Нам представляется, однако, что «сперрингсовский» вариант решения вопроса о появлении протофиннов в Восточной Прибалтике наиболее вероятен. Он согласуется, в частности, с наблюдениями над ранними балтийскими (индоевропейскими) элементами в прибалтийско-финских языках. Языковеды полагают, что появление этих элементов может быть свя-

⁶⁵ Л. Ю. Янитс. Поселения эпохи неолита..., стр. 122—127, 339; А. Europeus. A u g ä r ä ä, Указ. раб. стр. 189—190.

зано с распространением в Прибалтике пастушеских племен с «культурой боевых топоров», что произошло в начале II тысячелетия до н. э.⁶⁶, то-есть почти за тысячу лет до появления текстильной керамики.

* * *

Итак, возвращаясь к вопросам, поставленным выше, мы склонны думать, что в среде охотничье-рыболовческих племен лесной полосы Восточной Европы в III—II тысячелетиях до н. э. имелась обширная культурно-этническая общность, простиравшаяся от Урала до Восточной Прибалтики по всем тем землям, которые впоследствии выступают как финно-угорские. Общность эта не была, однако, исконной, связанной с первоначальным заселением лесной полосы, как это казалось раньше. Она объединяла далеко не все племена, входившие в восточноевропейскую культуру ямочно-гребенчатой керамики в традиционном понимании этого термина, а возникла в результате вековых передвижений уральско-камских племен в западном направлении. Эта культурно-этническая общность не была также вполне синхронной. Первоначально, в раннем неолите, протофинно-угорские элементы из Зауралья и Приуралья продвинулись в северные области, достигнув Восточной Прибалтики. Затем наступил период, когда на север двинулись волго-окские неолитические племена и древние протофинны в Прибалтике оказались изолированными. В конце III—II тысячелетий до н. э. уральско-камские племена и их культура распространились в области нижнего течения Оки, Верхнем Поволжье и на значительных территориях на севере лесной полосы Европейской части СССР. Так были заложены первые основы этнической карты финно-угорского мира, известной по древнейшим письменным источникам и сохранившей многие свои черты вплоть до современности.

SUMMARY

In the works of A. Y. Brusov and other archeologists data is summarized showing that in the Mesolithic and early Neolithic period the forest belt of European Russia was settled by people arriving not only from the south but also from the east—the Urals and Trans-Urals area. This is also borne out by paleoanthropological data on the early population of hunters and fishermen of the forest belt of European Russia, among whom an important part was played by the Eastern (Mongoloid) strain.

In the author's opinion, the westward migration of hunters and fishermen from the Kama area and from the Urals was not limited to early times. A powerful migration wave bound westward occurred also at the end of the 3rd and at the beginning of the 2nd millenniums B. C. Its traces are particularly clearly seen on the sites of Neolithic and Bronze Age settlements in the lower reaches of the Oka, in the upper Volga area and to the north. Throughout this territory in the period under review the local Neolithic culture characterized by pit-marked pottery, overlapped with another culture of hunters and fishermen whose Urals-Kama origin is beyond doubt. In the lower Oka basin this new culture is known under the name of Volosovo culture. Here, as on other sites, it is characterized by comb-marked pottery, rectangular dwellings differing markedly from the rounded dwellings of the indigenous Volga-Oka tribes, burial mounds and original works of art. The spread of Urals-Kama cultural elements is observed throughout the territory subsequently known as Finno-Ugric. Apart from this territory, on the Desna and in the upper Oka and Dnieper areas, the Kama-Urals cultural elements are not traceable. It follows that the Kama-Urals tribes of hunters and fishermen of the 3rd and 2nd millenniums B. C., which spread in the lower Oka and upper Volga reaches and in the north, as well as in the Eastern Baltic regions, may be regarded as the proto Finno-Ugric population.

⁶⁶ П. А. Аристэ, Формирование прибалтийско-финских языков и древнейший период их развития, сб. «Вопросы этнической истории эстонского народа», Таллин, 1956